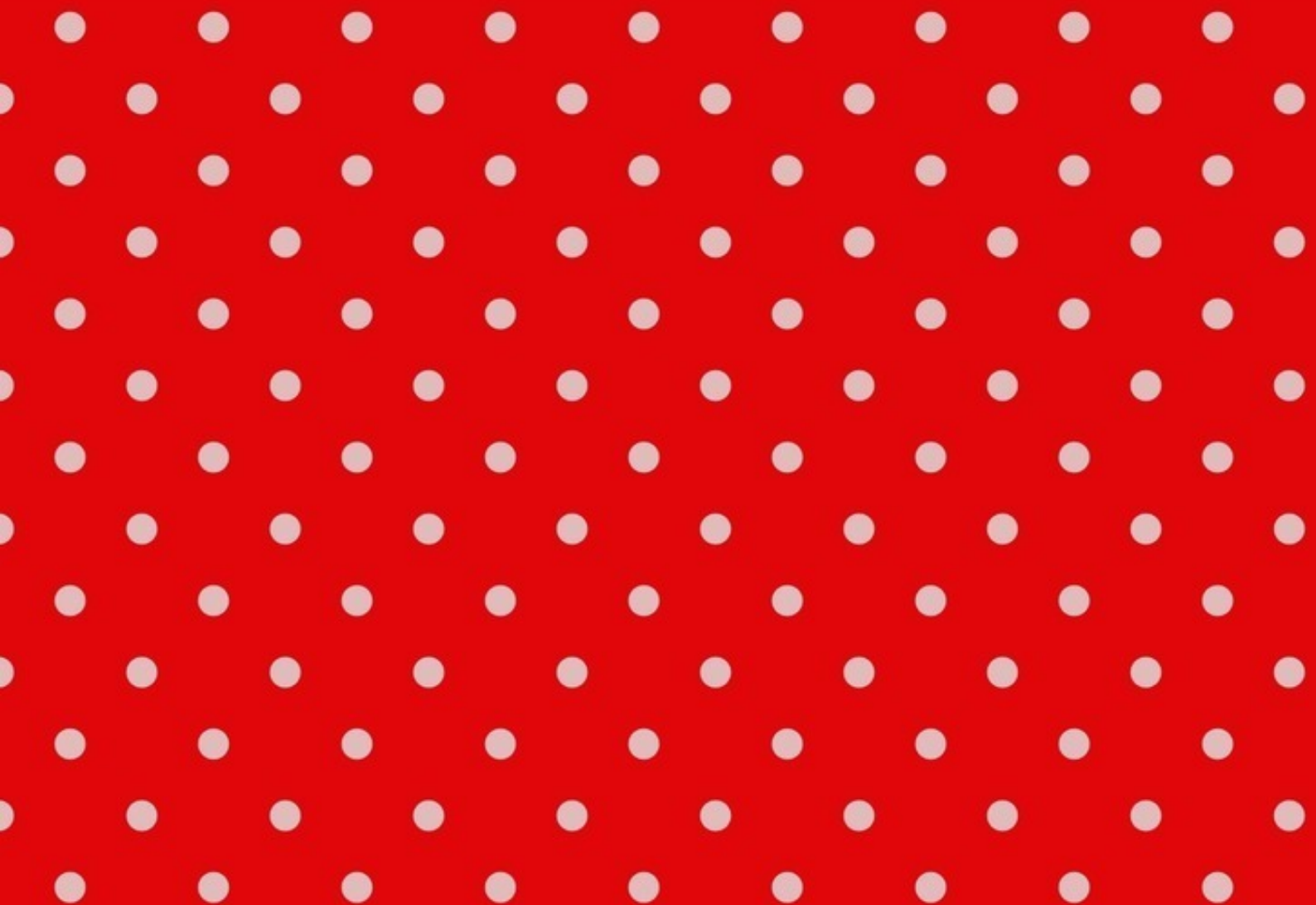

Елена Васюта

Жизнь Евы

Только для женщин

Елена Васюта

Жизнь Евы

«Издательские решения»

Васюта Е.

Жизнь Евы / Е. Васюта — «Издательские решения»,

Дорогие мои читательницы! Если, прочитав мою книгу, вы сделаете меньше ошибок, я буду считать, что моя задача выполнена. Желаю вам много радости, счастья и большой настоящей любви. Е. Васюта

© Васюта Е.

© Издательские решения

Содержание

Жизнь Евы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жизнь Евы
Только для женщин
Елена Васюта

© Елена Васюта, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь Евы

Когда Ева приходила на пляж, все приветливо здоровались с ней. Место, где загорала девушка, находилось посередине пляжа, принадлежавшего отелю, ближе к морю, рядом с «наседом» спасателя. И соседи по лежакам были одни и те же: молодая пара русских, семья с двумя мальчишками из Франции и чета пожилых, очень полных немцев.

Ева сразу разговаривалась с соседями. В отличие от русских, иностранцы любят общаться друг с другом в отпуске и делают это с удовольствием. А для Евы это была прекрасная возможность поупражняться в языках.

Ее мама была преподавателем английского и французского. От нее дочь унаследовала способность к иностранным языкам. А папа довольно хорошо владел немецким. Так что к 15 годам, Ева знала три иностранных языка.

В июне она окончила институт. Училась Ева прекрасно. Отличная память, способность к логическому мышлению, трудолюбие помогли ей получить твердые знания и уважение однокурсников и преподавателей.

На поездке в Турцию настоял отец. Он решил, что дочке необходимо отдохнуть, поправиться (считал ее слишком худенькой), подзагореть и вообще, сменить обстановку. Он надеялся, что новые впечатления и знакомства вытравят из ее сердца боль и тоску, с которыми Ева жила много лет. Отец видел, что боль утраты не оставляет его любимую девочку ни на минуту. Глубоко запрятанная, она выплескивается во взгляде тоскующих зеленых глаз.

Разве мог кто-нибудь из ее новых знакомых подумать, что эта, невероятно красивая русская девушка, с улыбкой болтающая с мальчишками – сорванцами, пережила, да и все еще переживает смерть любимого...

Олег, Олежка...

Они познакомились в пятом классе 1 сентября. Ева бросила балетную школу в Екатеринбурге и вернулась домой, в небольшой провинциальный городок на Урале. Странно, она не переживала по этому поводу, хотя еще год назад думала, что балет – это ее жизнь, без балета она умрет. Но не умерла.

На последнем занятии преподаватель балетного класса, в присутствии всех ребят, заявила ей, что, несмотря на несомненные способности, балерины из нее никогда не получится, так как года через два, ей обеспечен рост в метр восемьдесят и размер груди минимум третий номер. А это, в лучшем случае, контракт в Парижском варьете «Мулен Руж». Причем, «варьете» было произнесено таким тоном, каким обычно произносят блюстители морали «публичный дом». Трудно сказать, что для одиннадцатилетней девочки было большим ударом – отстранение ее от мира искусства или беспардонные слова учителя.

С балетной выправкой и с документами Ева вернулась к родителям. И в пятый класс она пошла в школу с физико-математическим уклоном в родном уютном городке.

Здесь не было суеты большого города. Улицы украшали рябины, липы, яблони. В городе было много парков, скверов, цветов на клумбах.

Первого сентября на площади перед школой, огороженной старыми яблонями и красными кустами барбариса, под звуки старых песен, они увидели друг друга.

Олежка, милый Олежка... Мысль о нем ледяной рукой сжимала ее сердце. А думала она о нем постоянно. Он был для нее всем – жизнью.

Отличник, немного замкнутый, он смотрел на мир чуть рассеянным взглядом, как будто о чем-то задумавшись. Когда классная дама подвела новенькую к одноклассникам и познакомила ее с ребятами:

– Это Елена Викторовна Арбенина, она будет учиться с вами в классе. – Олег, к удивлению всех, и себя в первую очередь, подошел, взял у нее из рук сумку и сказал:

– Ева. Я буду звать тебя Ева. Будем сидеть вместе.

С этого дня она стала Евой. И новое имя так понравилось и так ей шло, что все ребята, а со временем и учителя, и даже родители, стали звать ее Евой.

С тех пор Олег и Ева стали неразлучны. Их дружба не встретила неудовольствия у родных. Казалось, так естественно, что они всегда вместе – самая красивая девочка и самый умный мальчик. Их дружба не мешала учебе. Оба были жадными до книг, учились на отлично, у обоих были прекрасные способности. Они никогда не соревновались, кто из них лучше. Они просто жили рядом, развивались и взрослели.

Отец Евы занимал большой пост на огромном электрохимическом предприятии. Он старался два раза в году вывозить семью в отпуск за границу поупражняться в языках и отдохнуть.

Олег никуда не ездил. Он жил с мамой, а она не могла позволить себе такие поездки. Эти две недели разлуки были самыми тяжелыми для Евы и Олега. Они друг без друга просто не умели жить.

Прошло три года. Летом, после окончания восьмого класса, семья Евы вернулась из Англии. Олег встречал во дворе с букетиком цветов. Им было по 15 лет.

Олег сказал, что мама в больнице, у нее большое сердце. Ребята сходили к ней, провели, потом вернулись домой. В этот день Ева впервые не пришла ночевать домой.

Все произошло совсем не так, как мечталось. Кроме боли и разочарования, она ничего не испытала. И Олег это понял. Он страшно переживал. Ева долго его утешала, говорила, что в первый раз так и бывает, а в другой раз все будет совсем иначе. Олег немного успокоился и захотел, во что бы то ни стало угостить ее мороженым, которое Ева так любила. Около 12 часов ночи он побежал в магазин, работающий круглосуточно. По этой причине, вокруг него по ночам обитала местная шпана разного пошиба.

Обратно Олег не вернулся. Его нашли убитым недалеко от дома. Рядом валялся торт из мороженого. Виновных не нашли. Поговаривали, что его ударил ножом какой-то придурак, безнадежно влюбленный в Еву, из ревности.

Она ждала его всю ночь. Утром позвонила мама и сказала, что случилось несчастье. Что было потом, Ева не помнит. Крики, слезы, похороны – как во сне. Олежка, милый...

Она ушла в себя. Почти ни с кем не разговаривала, но много читала. Может, книги помогли пережить ей это страшное горе, но 1 сентября она набросилась на учебу с каким-то остервенением, занялась спортом. Было такое впечатление, что она специально заполняет весь день делами, чтобы не было ни одной свободной минуты, а вечером падает в кровать и засыпает от изнеможения. Казалось, она и не вспоминает своего друга, своего любимого мальчика. Только самые близкие люди видели в ее прекрасных глазах невыразимую боль и муку. Никто не знал, что Олег постоянно рядом с ней. Каждую минуту она разговаривает с ним, советуется, вспоминает...

Одноклассники любили Еву, гордились, что учатся вместе с такой девушкой. Но из ребят никто даже не пробовал предложить ей свою любовь и дружбу. Будто все понимали, что не могут соперничать с Олегом, даже с памятью о нем.

Ева окончила школу с золотой медалью. Трудно было решиться родителям отпустить такую дочь-красавицу из дома. Но даже через призму родительской любви, они понимали: Ева должна жить не в провинции, тихая домашняя жизнь не для нее. И отпустили дочку в столицу.

У отца в Москве жил старый друг, профессор с мировым именем, Иван Ильич Нестеров. Профессору было около 60 лет, он овдовел год назад, детей у него не было. Иван Ильич с радостью согласился приютить дочку друга «на первое время».

Так 17-летняя Ева оказалась в Москве, в пятикомнатной квартире, на улице Тверской, в самом центре столицы.

Отношения с профессором сложились сразу же. Их можно было назвать трогательной заботой дочери об отце и любовью престарелого отца к юной дочери. Профессор окружил ее

заботой, вниманием и всей своей нерастраченной нежностью. Она тоже отвечала ему искренней дочерней любовью. Звала его только «дорогой Иван Ильич».

Профессор часто звонил Еве. И соседи по пляжу решили, что «дорогой Иван Ильич» – конечно, муж.

Мужчинами она не интересовалась. Поэтому было решено: Ева замужем.

Семь лет прошло с той страшной ночи, когда Ева осталась у Олега, когда его убили. В ту ночь как будто что-то умерло и в самой Еве. Мужчины перестали для нее существовать. Они были друзьями, товарищами, но не мужчинами. Многие из них были страстно влюблены в Еву, но, постепенно, все пережились на ее подругах, и она осталась одна. Так получилась, что настоящих подруг у Евы не было. Их всех заменил «дорогой Иван Ильич».

Ева не догадывалась, что эту поездку отец организовал по просьбе профессора. Ивану Ильичу очень нужно было, чтобы Ева уехала из Москвы на две недели. За это время он планировал пройти курс химии-терапии. Диагноз был страшен – рак. Болела спина, плохо слушались ноги. Все чаще он садился в инвалидное кресло и ездил на нем по своей огромной квартире, все реже выходил из дома.

Все домашние дела пришлось взвалить на милую женщину – Людочку, домработницу, приходившую каждый день утром и вечером. Благо, жила она неподалеку.

Иван Ильич, как мог скрывал от Евы свою болезнь. Но мысли о смерти посещали его все чаще.

Профессор всегда считал себя далеким от мещанства и накопительства. Человек науки, он никогда не вникал в материальную сторону жизни семьи – этим занималась его супруга. Он не задумывался, откуда каждый день появляется на плечиках белоснежная сорочка с отутюженным воротничком и манжетами, почему брюки всегда с заглаженными «стрелками», в холодильнике – еда, которую он любит и сколько денег необходимо для такой жизни. Но, как оказалось после кончины его жены, на все хватало и даже очень немало скопилось. И теперь понимая, что жизнь подходит к концу, Иван Ильич с ужасом понял, что оставлять все свое имущество некому. У него есть только Ева. И он должен сделать все возможное, чтобы ей достались и его квартира, и книги, и машина, и дача в Подмосковье.

Эта мысль преследовала Ивана Ильича. Наконец, он решил, что единственный выход – жениться на Еве.

Перед ее отъездом в отпуск, он завел разговор о наследстве, о браке. Девушка была так поражена его предложением, что решительно отказалась. Профессор просил подумать и ответить ему после поездки.

Ева больше всего на свете боялась огорчить «дорогого Ивана Ильича». Она не знала, что он серьезно болен. Ева, конечно, видела, что он очень постарел в последние годы, но, ей казалось, это естественно выглядеть так, когда тебе за 60. Она обещала подумать.

Когда Сергей приехал в аэропорт, его уже ждали представители турфирмы с билетами на самолет, с путевкой, страховкой и другими документами, которые он не потрудился забрать в агентстве.

Ехать в отпуск, тем более в Турцию, у него не было никакого желания. Он решил уехать из дома, чтобы дать возможность Татьяне спокойно забрать свои вещи из его дома и съехать к матери. К его возвращению ее больше не должно быть в его жизни. Они прожили, вернее, просуществовали рядом два года. Но их отношения плавно зашли в тупик, и они решили расстаться.

Сергей еще не освободился от груза этих отношений, когда увидел девушку, которая регистрировала билет на его рейс. Мелькнула игривая мысль:

– Куда летит такая красота?

Но в суматохе, он потерял ее из виду. Перелет, расселение по отелям...

И вдруг на пляже, вот она идет! И идет прямо к нему! Сердце забилося, как у мальчишки. Не доходя до него, она приветливо поздоровалась по-русски и немецки, видимо, знала, кто ее соседи и расположилась на свободном лежаке позагорать.

Сергей старался не смотреть на нее откровенно, но ему это удавалось плохо. Она просто притягивала его взгляд. Ее фигура была идеальной: стройное, тренированное тело, длинные ноги, пышная грудь. Лицо у девушки было таким, по которое говорят: невозможно глаз оторвать. Высокие скулы, красиво очерченные мягкие губы, темные брови классической формы, длинные, густые ресницы, все в ее облике притягивало взгляд. А ее изумрудные глаза со странным, грустно-любопытным выражением, невозможно забыть, увидев хоть раз. Длинные белокурые волосы девушка спрятала под модную кепку. Она весело общалась с соседями и, казалось, не обращала на Сергея внимания.

Ева старалась не загорать много. Ее светлая кожа плохо переносила жаркое солнце. Кожа краснела, потом облазила, все болело. Поэтому, когда ее лежак, ближе к 11 часам, оказался в тени «грибка», она не стала выдвигать его на солнце. А все близлежащие загоральщики задвинулись туда-сюда, и получилось, что Сергей и Ева оказались рядом.

Мужчина похвалил себя за находчивость, за тонкий маневр, ведь не случайно так произошло.

Он набрался смелости, чтобы заговорить с очаровательной соседкой, но в этот момент позвонил Иван Ильич. Ева обращалась к нему как всегда ласково, называла «дорогой», в конце разговора спросила, все ли у него хорошо, огорчилась чем-то и обещала подумать.

– Замужем. – Решил Сергей.

А ему-то какая разница? Даже лучше, что замужем, меньше проблем будет.

Понемногу они разговорились. Помогли мальчишки-двойняшки из Франции. Еве пришлось их мирить – один у другого что-то отобрал и не хотел отдавать.

Сергей неплохо говорил по-английски и восхитился, что Ева свободно владеет и немецким и французским. Так началось их знакомство.

Сергей признался, что заметил Еву еще в аэропорту. Ева, как оказалось, не обратила на Сергея внимания.

– Вы замужем? И очень любите своего мужа? – Спросил Сергей.

– Почему вы так решили? – Удивилась девушка.

– Случайно слышал ваш разговор по телефону.

Ответом на его вопрос был долгий, печальный взгляд темно-зеленых глаз. Казалось, такой пустяковый вопрос поднял из глубины души девушки очень тяжелые воспоминания.

Сергей понял, что не остановится, пока не узнает о ней все: кто она, как живет, с кем, какая боль прячется в ее душе. Он понял, что эта девушка заняла его мысли, заинтересовала его настолько, что каждую минуту он думает о ней. Где-то в подсознании пронеслось: от Татьяны еще не избавился, уже в другую «втюрился». Но он отмахнулся: Будь, что будет!

– Что вы делаете вечером? – спросил он у Евы.

– Поужинаю часов в семь. – Ответила девушка.

– А потом? – Не отставал Сергей.

– Не знаю, может, пройду, погуляю по берегу. На дискотеки я не люблю ходить. Можете меня не приглашать.

Сергей удивился такому прямому ответу. Обычно, девушки при знакомстве начинают говорить всякую ерунду, кокетничать, давая понять, что очень заинтересованы. И дальше, без всяких проблем...

А с этой так не прокатит.

– Ну, что ж, значит, погуляем. – Подумал Сергей. А вслух сказал:

– Можно я присоединюсь к вам?

– Зачем? Вам что, нечем заняться вечером?

– Ну что вы? Дел у меня здесь, в отпуске множество. Но я так хочу отложить все свои дела и просто пройтись с вами по берегу.

– Хорошо, пойдемте.– Согласилась Ева.

– Тогда я буду ждать вас в ресепшен, в 6.30. Поужинаем и пойдем гулять.– Обрадовался Сергей.

Солнце палило нещадно.

– Пора уходить, – подумала Ева, – обгорю.

Она попрощалась с соседями и легкой походкой балерины направилась к своему корпусу.

Она была немного смущена. Как так получилось, что на пятой минуте знакомства она согласилась на свидание? Этот Сергей оказался таким настойчивым! Ей просто неловко было ему грубить! Кругом были знакомые. Только поэтому она и согласилась... Хотя, конечно, он очень интересный. Высокий, стройный, спортивный. У него такие сильные руки. А если он обнимет... Фу! Какие мысли! Ведь мужчины ее не интересуют! Погуляем, поболтаем и все!

Волосы у него темные. Русые, нет, темно-русые. Красивый такой цвет. А вот глаза – серые. Нет, голубые, или все-таки серые? Надо обязательно рассмотреть его глаза!..

А Олежка тоже был русым, но светлее, и глаза серые у него были.

Странно, но Ева сегодня в первый раз вспомнила об Олеге. Обычно, она всегда с ним разговаривала, постоянно ощущая его присутствие. А сегодня даже не вспоминала.

Солнце опустилось к вершинам гор, скоро закат. В Турции темнеет рано. Надо собираться к ужину.

Душ, легкий макияж, платье... Какое надеть платье? Ева целыми днями ходила в спортивном: шорты – майка, бриджи – футболка. А сейчас ей хочется платье.

– Надо хоть раз его надеть, зря что-ли я тащила его в такую даль?

И туфли.

К шести часам Ева была готова. В зеркале отражалось юное создание с лучистым взглядом изумрудно- зеленых глаз. Волосы были забраны в высокий «хвост». На губах – бледно-розовая помада. Модное асимметричное платье до колена и туфли на каблуке довершали наряд.

Сергей уже ждал. Она шла к нему, как бы танцуя. Легкая ткань обволакивала длинные стройные ноги. Она подошла ближе. Их взгляды встретились. Он смотрел с восхищением.

– Добрый вечер!

– Добрый вечер, Ева! Вы прекрасно выглядите!

Они зашли в зал ресторана, сели за столик для двоих. Ева ужинала легко – овощи, сыр, фрукты. Сергей тоже взял немного, видимо, не хотел есть. Выпили по бокалу красного вина и ушли.

Они шли вдоль берега моря по мощеной дорожке. Казалось, ей не будет конца.

– У вас такое красивое имя, Ева, – сказал Сергей.

Девушка призналась, что это не имя, а первые буквы ее имени, отчества и фамилии.

Но Евой ее зовут еще со школы и это имя ей привычнее и дороже.

Сергей не любил говорить о своей личной жизни, но сам не заметил, как рассказал о Татьяне, о том, что они расстаются, что она красивая и хорошая, но между ними нет чувств, нет любви. Разговор стал очень доверительным.

– А вы, Ева, замужем? – Спросил он напрямик.

– Нет, не замужем.– Ответила она и заговорила о другом.

Сергей чувствовал, что именно здесь кроется тайная грусть девушки.

Они шли дальше и дальше. Отели, расцвеченные тысячами огней, смотрелись на ночном небе сказочными дворцами. Все горело, переливалось. Играла музыка.

Сергей любовался Евой. Ему все нравилось в ней: походка, лицо, фигура, волосы, как она говорит, как смеется. Ее близость возбуждала, в голове то и дело возникали откровенные мысли. Будет ли она сегодня ночью с ним? Он не сомневался – будет.

А Ева впервые за много лет не думала об Олеге. И разговаривала не с ним, а с другим мужчиной, живым, настоящим. Ей было легко и интересно. Шутки Сергея очаровывали ее, в них не было ни капли пошлости. Ева смеялась, глаза ее светились счастьем и ...желанием.

Нагулявшись вволю, они вернулись в отель.

У Евы гудели ноги – на каблуках столько времени! Ей хотелось побыстрее снять туфли, принять душ и растянуться на прохладной кровати. Но так же, ей хотелось, чтобы на этой же кровати оказался бы и Сергей. Она отогнала от себя эти мысли. Тем более, ей необходимо подумать о просьбе дорогого Ивана Ильича. До конца отпуска осталось всего пять дней, а она так ничего и не решила. Столько волнений сразу!

Сергей проводил ее до номера. Она замешкалась у двери с карточкой, что-то дверь не открывалась. От волнения у нее тряслись руки. Ева не хотела, чтобы Сергей вошел в ее комнату. Если он войдет, то, конечно, останется, а она не готова к этому.

Сергей словно выжидал что-то. Молчал и внимательно наблюдал за Евиными манипуляциями с карточкой, словно ждал какого-то намека, сигнала для дальнейших действий.

Наконец, дверь открылась. За дверью – темнота. Так не хочется идти туда одной! Но... Ева повернулась к Сергею и встретила с его взглядом. У нее закружилась голова: он стоял так близко. Его глаза говорили все без слов: будем вместе, позови меня, я так тебя хочу!

– До свидания, Сережа. Спасибо за чудесный вечер.

В глазах Сергея словно погасли лампочки. В них промелькнуло разочарование, досада и еще что-то. Он обнял Еву за талию, привлек к себе. Словно поменявшись местами, теперь она ждала, что будет дальше? Он прижал ее к себе и медленно, внимательно глядя ей в глаза, стал наклоняться к ее губам. Сладкая истома разлилась по телу девушки. Его поцелуи были нежными и смелыми одновременно. Задохнувшись от нахлынувших чувств, Ева отстранилась от Сергея. Он неохотно разомкнул руки.

– Мне пора. Увидимся завтра на пляже.

Он смотрел на нее, и в его глазах было разочарование. Она ушла в темноту, зажгла свет и медленно закрыла дверь. Он постоял с минуту, надеясь на чудо. Понял, что чуда не произойдет и пошел в бар. Вечер не удался.

– Идиот! Надо было проявить больше настойчивости, она бы сдалась.– Ругал себя Сергей.

Но он поймал себя на мысли, что ему не хочется торопить события, не хочется идти напролом. С этой девушкой он не хочет вести себя так, как с другими. Она не такая, как все. Она особенная, необыкновенная. Завтра. Все будет завтра...

Наутро Сергей решил пораньше сходить на море, занять лежаки для себя и Евы, те, на которых они загорали вчера.

Он побежал на пляж, оставил свои вещи на нужных местах, сделал зарядку на берегу, даже подумал искупаться, но потрогав воду, быстро передумал. Утром было свежо, и вода за ночь остывала. По пляжу бродили несколько русских туристов. Русские вставали рано из-за разницы в часовых поясах и от нечего делать, шли на берег, занимали лежаки себе и знакомым, чем вызывали недовольство других наций. Потом все дружно двигались к ресторану на завтрак. В семь утра местного времени все русские отдыхающие толпились у дверей «пищеблока».

Сергей не знал, когда появится Ева. Он думал, часам к восьми. Но в ресторане ее не было. Он был очень голоден. Вчера на ужине, он от волнения потерял аппетит, и сейчас голод давал о себе знать громкими руладами. Сергей взял омлет с колбасой и помидорами, сосиски, сыр, свежее испеченные булочки с маслом и джемом – словом все, что было на столе. Выпил три чашки кофе. Евы не было. Он пошел на пляж.

– Где же Ева? Почему не пришла? – крутился в голове один и тот же вопрос.

А Ева долго не могла заснуть ночью. В ее жизни было трое мужчин: Олег, папа и Иван Ильич. Сейчас появился Сергей. Она понимала, что когда-нибудь это бы случилось.

Олег останется в ее сердце и мыслях навсегда. Сергей разбудил в ней женщину. Ей безумно хочется близости с этим мужчиной, горячим, живым, настоящим. Хочется его объятий, поцелуев, нежных слов. Все внутри замирает от мыслей о нем.

Память об Олеге она не предаст никогда, но почему-то ей кажется, что Ивана Ильича она предает.

Он уговаривает ее расписаться. Что брак будет фиктивным – речи не было, но это и так понятно. Иван Ильич был ей вторым отцом. Никогда в их отношениях не было сексуальных намеков. И все же она его предает.

В глубине души Ева понимала, что не сможет отказать ему ни в одной просьбе. Значит, она согласится стать его женой, выйдет за него. Но спать будет с Сергеем?

Она проснулась около десяти. В ресторан опоздала. На пляж идти не хотелось. Но там ее ждет Сергей. О мысли о нем сердце затрепетало. Быстро надела купальник и критически оглядела себя в зеркало:

– Хорошо, да, очень хорошо!

Занятия балетом и спорт сделали ее фигуру идеальной. Тонкая талия, подтянутый, мускулистый живот, стройные ноги. Да, Ева была очень красива, но к своей внешности она относилась спокойно, даже немного равнодушно. Закинув на плечо пляжный рюкзачок, Ева неторопливо направилась к морю. По пути она здоровалась со знакомыми, перекидывалась с ними несколькими фразами. Ее волнение понемногу улеглось.

Вот супруги немцы —

– Здравствуйте! Как чудесно вы загорели!

Вот двойняшки-сорванцы-

– Привет, ребята! Вы купались? Как вода?

А вот Сергей-

– Добрый день, Сережа. Я что-то поздно сегодня.

Он пригласил ее расположиться рядом на свободном лежаке, который охранял для нее с раннего утра.

– Как дела? Как спалось? – Спросил он с едва заметной улыбкой.

– Какой он красивый! – Подумала Ева, а вслух произнесла:

– Немного натерла ногу, придется походить в шлепанцах, а так все прекрасно. А как твои дела?

Они не заметили, как перешли на «ты».

– Очень жаль твою ножку! – Улыбнулся Сергей – а я хотел пригласить тебя всю целиком в рыбный ресторан, я уже и заказ сделал... Но в шлепанцах твою ножку, наверное, не пустят. Что будем с ней делать?

– Какая у него обаятельная улыбка! – Подумала девушка, а ответила:

– Думаю, со своими ногами я договорюсь, не волнуйся. Не хочется упустить возможность поесть рыбы. Тем более, ты уже заказ сделал.

Иван Ильич прошел обследование в онкологической клинике. Диагноз был неумолим: рак. Жить осталось не более года.

Доктор, у которого наблюдался Иван Ильич, был прекрасным специалистом в своей области. В свои 32 года, он уже заведовал отделением. Анатолий Николаевич Шахов не имел своей семьи, у него была только мама. Она полностью посвятила себя сыну, а сын посвятил себя медицине.

Когда Иван Ильич пришел к нему в клинику, они сразу почувствовали уважение и симпатию друг к другу. Доктор Шахов был откровенен со своим пациентом.

Иван Ильич все время думал о Еве. Как навязчивая идея была мысль о женитьбе и завещании.

– Лишь бы успеть все оформить. – Думал профессор.

Он так горячо желал, чтобы все его имущество перешло к Еве, а не кануло неизвестно куда, что постоянно звонил ей и спрашивал:

– Ты подумала?

А Ева все тянула с ответом, хотя оба прекрасно понимали, что она, конечно, согласится.

Из двух недель отпуска пролетело 13 дней. Завтра они улетают домой. Сергей – утренним рейсом, она – ближе к вечеру.

Ева понимала, что сегодня последняя ночь, которую они могут провести вместе с Сергеем. Продолжится ли их общение после возвращения в Москву? Стоит ли завязывать близкие отношения на одну ночь?

– Конечно, нет. Зачем все так усложнять? – Решила она.

Днем Ева сказала «Да» Ивану Ильичу, чем безмерно его обрадовала.

– Ты прилетаешь в четверг, поздно. Тебя встретит в аэропорту Андрей, мой друг, ты его знаешь. Ко мне приезжай в пятницу, к двум часам. Возьми паспорт. Распишемся прямо у меня.

Когда решение было принято, стало легче на душе. Ее судьба где-то рядом с дорогим Иваном Ильичом, А Сергей – это другая жизнь, не ее.

Приближалось время идти в рыбный ресторан. Она обещала Сергею. Ну, что ж, это будет последний вечер, проведенный вместе с ним.

Еве хотелось запомниться Сергею навсегда, поразить его. Она будет такой красивой, что он не сможет забыть ее.

Ева никогда не испытывала нехватки денег. Отец баловал жену и дочь, семья ни в чем себе не отказывала. А сейчас и сама Ева стала неплохо зарабатывать. У нее сложилась своя клиентура из уважаемых людей, как правило, почтенного возраста, чья юность пришлась на такое время, когда иностранные языки практически не изучали. Качество и быстрота ее переводов сделали свое дело.

У Евы была возможность следить за собой и покупать красивые, модные вещи. Одно из своих любимых платьев она взяла с собой в поездку. В этом платье она была ослепительно красива. Цвет платья, изумрудно-бирюзовый, очень подходил к цвету ее глаз. Спереди платье не было слишком открытым. Вокруг шеи – небольшой «ошейничек», от которого вниз на грудь мягкими складками ложится ткань, оставляя открытыми плечи. Талия подчеркнута в обтяжку. Юбка чуть выше колен, тоже мягкими складками, зауженная к низу. По форме юбка похожа на перевернутый цветок тюльпана. Но самое главное в платье было – спинка, вернее, ее полное отсутствие.

Ева надела шикарные босоножки на высоком каблуке из натуральной кожи змеи. То ли кожу покрасили так интересно, то ли она такой и была, но босоножки получились серебристо-блестящими, с розово-бирюзовым отливом. Довершали наряд небольшие серьги из белого золота с бриллиантами и такое же колечко. Волосы Ева подняла вверх и заколола, чтобы оставить открытой спину.

Взяв в руки маленькую сумочку, она оглядела себя в зеркале.

– И красива, и чертовски мила! – Перебрала она знаменитую фразу Фаины Раневской.

Ровно в семь, в дверь постучал Сергей. Немного помедлив, она открыла дверь. Их взгляды встретились. Он стоял так близко, такой сильный и красивый! Но...

Она уже приняла решение – только ужин и ...до свидания!

Сергей задохнулся от волны чувств, когда увидел ее.

– Ева, ты бесподобна!

– Ты тоже. – Искренне ответила девушка.

– Пойдем?

По пути в ресторан они не могли оторвать друг от друга глаз. Казалось, мир перестал существовать, остались только он и она.

Ужин подошел к концу. Ноги сами привели их к Евиному номеру.

– Спокойно, все решено.– Повторяла она, открывая дверь.

– Сережа, мы сейчас должны проститься. Пойми меня. Спасибо тебе за все и прощай!

Она вошла в комнату, обернулась. В его взгляде было столько желания, что она поняла, он даже не услышал ее слов.

– Прощай, Сережа!

Она закрыла дверь. Прислушалась. Тихо.

– Ушел, наверное.

И тут ее тело взбунтовалось и каким-то образом взяло верх над разумом.

– Не хочу, чтобы он уходил! Не хочу!

Она распахнула дверь, его не было. Выглянула в коридор. Вдалеке виднелась удаляющаяся фигура Сергея. Она с замиранием сердца смотрела ему в след, не решаясь окликнуть. Он сам обернулся. Остановился. И... пошел обратно. Подошел к Еве, внимательно поглядел ей в глаза, как бы спрашивая:

– Что ты еще придумаешь, чтобы помучить меня?

– Вот, проблема с застежкой. Помогите, пожалуйста, расстегнуть.– Чуть слышно произнесла Ева.

– Проблему будем устранять в коридоре или войдем? – Все так же пристально вглядываясь в нее, спросил Сергей.

Она раскрыла дверь, пропуская мужчину. Оба понимали, что обратного пути нет. Сергей понял деликатность ситуации, понял, что в Еве борются два чувства. И решил ее не торопить. Он медленно и аккуратно расстегнул ей воротничок на шее (конечно, с застежкой все было в порядке). Мягко взял Еву за плечи, повернул к себе лицом. Его руки соскользнули по ее обнаженной спине на талию. Все крепче прижимая ее к себе, он стал целовать девушку. Нервная дрожь билась по ее телу, глаза закрылись от восторга и желания, стоны срывались с губ от избытка чувств.

Но Сергей не спешил. Он ласкал, и целовал, и шептал что-то низким, ставшим вдруг хриплым голосом. Ева не заметила, как оказалась в одном белье, а Сергей без рубашки, только в брюках. Она гладила ладонями его загорелое, мускулистое тело. И хотелось только одного, чтобы эта сладкая мука не кончалась, чтобы он шептал, шептал...

Сергей потянул ее к кровати. Она сделала шаг, другой и ...очнулась!

– Сережа! Нет! Не могу. Извини. Уходи, пожалуйста.

– Почему, Ева?!? Что такое? Скажи, почему ты меня гонишь? Что тебя пугает? – Недоумевал Сергей.

– Нет, нет. Я не хочу. Вернее, хочу, но... не могу, прости. О! Уйди, оставь меня одну! – Умоляла она.

– Не уйду, пока не скажешь в чем дело.

– Не могу тебе сказать.

– Можешь.

– Нет. Нет! Ты будешь смеяться.

– Смеяться?!? Ты шутишь, наверное! Если честно, мне совсем не до смеха и уже давно, дней эдак 12. С тех пор, как увидел тебя. Ева, милая, я тебя внимательно слушаю. И смеяться не буду. Мне кажется, у тебя есть какая-то проблема. Давай поговорим. Я ведь вижу, что нравлюсь тебе, в чем же дело?

– Дело в том, что я очень боюсь, – девушка спрятала лицо в ладони.

Сергей помолчал, потом сказал тихо:

– Господи, дорогая, неужели ты хочешь сказать, что... что у тебя не было никакого сексуального опыта? У тебя не было мужчины?

Ева медлила с ответом. Наконец, собравшись с духом, с отчаянной решимостью выпалила:

– Почему же не было? Был! Давно. Очень давно. Один раз. Мы совсем детьми были. Нам было по 15 лет. Но ничего путного из этого не получилось.

– И все?

– Все.

– Один раз?

– Да.

– Тебе сейчас где-то 23?

– Да.

– Извини меня за вопрос, а эти восемь лет? Что ни разу?

Ева, не глядя на него, медленно покачала головой.

– Ну, ты даешь! – Сергей не мог сдержать смеха, – ну, ты даешь!

– Вот видишь, ты смеешься! А обещал! Да, никогда и ни с кем близка не была, кроме того раза! Поэтому и боюсь! Понимаешь? Ты вообще в состоянии меня понять?

– Думаю, да. Прости. Прости меня, пожалуйста. Но я не понимаю, чего ты боишься-то? Меня?

Щеки Евы пылали румянцем смущения. Она была так мила в это мгновение, что Сергей схватил ее в объятия.

– Дорогая моя девочка! Ничего не бойся! Все будет хорошо!

– Не только это смущает меня, – сказала она, помолчав.

– Что еще, скажи.

– Я боюсь, что не понравлюсь тебе. Ведь я ничего не знаю, ничего не умею.

Стон вырвался из груди Сергея.

– Боже, Ева! Ничего не надо бояться. Не думай ни о чем! Мы вдвоем, мы хотим друг друга! Больше ничего не важно! Милая моя! Девочка моя!

Он покрывал ее лицо, шею поцелуями. Не в силах противиться его ласкам, Ева отдалась чувству, которое разбудил в ней этот мужчина. Все ее страхи оказались напрасными. Им было так хорошо вдвоем, что они потеряли счет времени.

Проснулись влюбленные утром. А, может, и не спали, а так, чуть задремали. Восторг наслаждения все еще блуждал на их счастливых лицах.

– Мы сегодня улетаем, – с грустью сказала Ева.

– Ты прилетишь ночью. Я тебя встречу. – Ответил Сергей.

– Нет, не надо. Меня встретят. – Начала возвращаться к действительности Ева.

– Ну, ладно. Тогда в пятницу – ты моя. Хорошо?

– Нет, Сережа, в пятницу я занята.

– Чем же? – Насторожившись ее интонацией, спросил Сергей.

– В пятницу я выхожу замуж.

Для Сергея это было хуже удара плетью. Он задохнулся от негодования.

– Что?!? Как ты выходишь замуж?!? А я? Мы с тобой только что... Как ты могла?!? Я таких ненавижу!

Он вскочил с кровати, и через мгновение его уже не было в комнате. Ева осталась одна. Так они расстались. Она не думала, что Сергей так отреагирует на ее слова. Вернее, она вообще ни о чем не думала.

«Ну и ладно. Говорят, что у всех бывают курортные романы. Вот и у меня он был. Надо взять себя в руки, забыть о Сергее. В конце концов, он ничего не обещал, о любви не говорил», – пыталась успокоить себя Ева.

Сергей ушел так быстро, что она не смогла ничего ему объяснить. Ни о фиктивности брака, ни об Иване Ильиче...

Сейчас это все не важно. У него есть номер ее мобильного телефона, захочет, позвонит.

Пока она будет собирать чемодан, он уже уедет в аэропорт. Больше они не встретятся.

Ева удачно добралась до Москвы, без задержек. Приятные соседи в самолете, чемодан выдали быстро, не изуродовали, все колесики на месте. Даже в таможне не нахамили!

Ее встретил приятель Ивана Ильича. Довез до дома, занес чемодан. Попрощался, сказав:

– До завтра, Ева.

– Значит, он знает, – подумала Ева, – и он будет на регистрации.

Сердце предательски заныло, перед глазами всплыло лицо Сергея. Он смотрел на нее с укором и разочарованием. Больше всего на свете, она хотела, чтобы он был рядом, чтобы обнял ее, поцеловал. Тело рвалось к любимому. Все, все она бы отдала, лишь бы быть с ним.

– Я так тебя люблю, – сказала Ева и позвонила Ивану Ильичу, чтобы договориться о бракосочетании.

– Ева, дорогая, у тебя печальный голос. Все в порядке? – Беспокоился Иван Ильич.

– Да, да, все хорошо. Устала очень, пойду, лягу. Когда мне приехать?

– Регистрация в два часа. К этому времени и приезжай. Все будет здесь, в ЗАГС не поедет. Я тебя очень жду.

– Хорошо, до встречи.

– Ты приедешь, Ева?

– Конечно, я же обещала.

Вот и все. Любовь закончилась, не успев начаться. «Ты станешь женой, хоть и фиктивной, но изменять мужу ты не сможешь», – сказала сама себе Ева, горько вздохнула и легла спать.

Ей снился ее дорогой мальчик, добрый, преданный.

– Олечка, милый, что я делаю? – Спрашивала она его. Но он не отвечал, а только смотрел на нее любящим взглядом и исчезал вдаль.

Ева хорошо спала в эту ночь. Она проснулась отдохнувшей, в своей любимой квартирке, в своей постели. Как здорово дома! Она всегда мечтала о своей собственной квартире, когда жила у Ивана Ильича. У профессора ей было хорошо, была даже своя комната, где хозяйничала только она. Но все равно, хотелось свою квартиру. Родители считали, что она должна уехать от Ивана Ильича. Хватит стеснять пожилого человека. Отец Евы часто бывал в Москве в командировках и присматривал для дочки небольшую квартиру. Главное, чтобы она была удобно расположена и в тихом месте. Как ни странно, такая нашлась почти в центре, в новом 9-ти этажном доме, на четвертом этаже. Угловая комната выходила окнами на тихий проулок и на старый сквер. От дома Ивана Ильича, неспеша, идти минут двадцать. Год назад начали ремонт, сделали перепланировку, оборудовали кухню, ванную, купили необходимую мебель. Иван Ильич расстроился, когда узнал, что отец купил Еве квартиру. Но он понимал, что у девушки должна быть своя жизнь. Не все же время ей жить со стариком?

Ева переехала к себе, но часто навещала Ивана Ильича. Они подолгу разговаривали, читали и обсуждали статьи. Такие вечера были дороги обоим.

А сегодня Ева должна снова вернуться в огромную профессорскую квартиру, жить среди антикварных вещей, тяжелых портьер, вычурной мебели из дорогой древесины. Ева машинально нанесла макияж, привела в порядок свои золотистые волосы, надела скромное, светлое платье.

– Разве так я собиралась на свидание к Сергею? – Подумала она.

При воспоминании о нем, она испытала такую мучительную тоску, что застонала, закрыв глаза.

– Надо думать об Иване Ильиче. Сергей – прекрасное воспоминание. Все прошло.

В дверь позвонили, это приехали за ней. Она вышла, села в машину. Никаких чувств – ни радости, ни отчаянья – ничего.

– Я опять будто мертвая. Такая, какой была после смерти Олега. До того, как встретила Сережу.

Сотрудница Загса быстро провела процедуру бракосочетания, на которой присутствовали две пожилые супружеские пары ученых и два любимых ученика Ивана Ильича, которым уже далеко за 30. Со стороны невесты приглашенных не было. Даже своим родителям Ева решила не говорить о предложении Ивана Ильича и о своем согласии.

Друзья поздравили молодых. Все старались не обращать внимание, как не подходят друг другу жених и невеста.

Она – сама молодость и красота, он – за 60, в инвалидном кресле. Каждый из гостей придумывал свою версию этого неравного союза.

– Зачем ей это надо? – Витал в воздухе немой вопрос.

Потом все сели за стол, начались заумные разговоры, поели, выпили. Вечер затянулся. Иван Ильич устал, гости стали прощаться.

Ева смотрела на свою свадьбу как бы со стороны, не понимая, что все это происходит с ней.

Когда все разошлись, и они остались одни, Иван Ильич взял в руки небольшую шкатулку. Позвал Еву. Она присела к нему на подлокотник кресла.

– Ева, ты теперь моя жена. Я хочу сделать тебе свадебный подарок и отдать драгоценности моей матери. Не знаю, будешь ли ты их носить, но прошу, не продавай. Только если жизнь заставит, если у тебя возникнет такая ситуация, что выхода не будет, тогда, конечно, я разрешаю все продать. Эти драгоценности передаются от матери к дочери. Но у мамы был только я и, поэтому, она завещала их моей жене. То есть, теперь они твои.

Ева открыла сундучок. Миллионами огней брызнуло из шкатулки: бусы, серьги, кольца, броши. Здесь были старинные украшения, и более современные. Ева даже не догадывалась, сколько это все может стоить.

Она понимала, что для Ивана Ильича это очень важно. Это не просто украшения матери, это память поколений.

– Спасибо, дорогой Иван Ильич. Это царский подарок. Обещаю вам беречь эту красоту в память о вашей маме. Я все сохраню. Обещаю.

Наступили первые погожие майские дни. Долгожданное солнце согрело землю, давая возможность весенним первоцветам радовать дачников. На приусадебных участках тут и там расцветали полянки подснежников, мускариков, примул.

Ева и Иван Ильич тоже стали выбираться на дачу, на природу. Эти поездки так радовали их! Иван Ильич последнее время не выходил из квартиры, он почти не вставал с инвалидного кресла. Ева старалась все свое время проводить с дорогим Иваном Ильичом. Поездки на природу стали для них настоящим праздником.

Эти выезды Ева организовывала сама, старалась не напрягать друзей профессора, не отвлекать их от своих забот.

Свежий воздух, солнце, деревенское молоко сделали свое дело: Иван Ильич заметно поправился, посвежел и стал чувствовать себя значительно лучше.

А Ева расцвела, словно цветок восхитительной розы. Ее юная девичья красота приобрела черты пленительной женственности.

Ева и Иван Ильич много разговаривали, спорили, вместе занимались переводами, шутили, много смеялись. Это время, проведенное на даче, было самым счастливым для них.

Иван Ильич рассказывал Еве о своей работе, о статьях, о тех работах, которые он только задумал. Ева была в курсе всех его дел. Она за ним ухаживала, как сиделка, лечила, как медсестра, любила, как дочь, вела дела, как личный секретарь. Их жизнь наладилась, обозначились привычки, любимые занятия.

Заканчивался август. Последний летний месяц принес с собой дожди. Погода испортилась, стало грязно и сыро. Дачники жаловались, что малина «киснет» на кусту, а капусту пожрали слизняки.

В один из таких дождливых дней Ивану Ильичу стало плохо. Ева подумала, что прихватило сердце, вызвала «скорую». Когда приехал врач, Иван Ильич велел отвезти его в онкологическую клинику к доктору Шахову.

Ева все поняла. У него рак и он скрывал от нее свою болезнь, сколько мог. И именно этим объясняется его настойчивое желание пожениться и провести с ней последние отпущенные ему месяцы.

Она заплакала, накричала на него, обозвала предателем.

Но Иван Ильич был доволен, он успел завершить задуманное. Теперь Ева, как законная жена, унаследует все его имущество, не будет ни в чем нуждаться. Он позвонил своему врачу, сказал, что едет.

– Приезжайте, Иван Ильич, я встречу вас. – Ответил доктор Шахов.

Ева от горя и слез не замечала ничего вокруг. Иван Ильич заменил ей на шесть лет всю семью. Годы учебы и последний год, когда они поженились, он был ее единственным другом. А теперь он уходит навсегда. Как же она будет без него? Как ей жить дальше?

Когда Иван Ильич в прошлый раз проходил обследование в клинике у доктора Шахова, он много рассказывал ему о своей жене – какая она хорошая, красивая, умная, как сильно он ее любит. Доктор даже позавидовал Ивану Ильичу, что супруги, дожив до преклонного возраста, сумели сохранить такие теплые чувства друг к другу. Доктор и его пациент много беседовали длинными, бессонными ночами. Доктор очень сочувствовал этому сильному духом, но безнадежно больному человеку.

Войдя в палату к Ивану Ильичу, он застал рядом с ним молодую девушку. Весь ее вид говорил о неподдельном горе. Но даже в таком состоянии, он пораился ее красоте. Золотистые волосы были заплетены в простую косу, на лице не было ни грамма косметики, просто одетая, она показалась ему неземным созданием, воплощением его мечты, идеалом женской красоты. Шахов смотрел и не мог оторвать взгляд от девушки.

– Дочь, наверное. – Подумал он.

Ева приходила в больницу каждый день утром и была с Иваном Ильичом весь день, до позднего вечера. Все восхищались ее самоотверженностью. Иван Ильич гнал ее домой, уговаривал отдохнуть, но она не уходила. Ева похудела, измучилась, не высыпалась, но ее страдания были ничто по сравнению с теми, что испытывал Иван Ильич.

Осень подарила несколько теплых, солнечных дней. Из окна палаты открывался вид на гору, поросшую лиственным лесом. Деревья нарядились в свой самый шикарный осенний наряд. Лес горел золотом в лучах заходящего солнца.

Каждый вечер Ева и Иван Ильич любовались этой красотой. Она держала его за руку. Они просто смотрели в окно и молчали. Когда начался первый настоящий осенний дождь, серый и затяжной, вся красота за окном сразу померкла, почернела и опала.

Но Иван Ильич этого уже не увидел. Он ушел из жизни тихо, с первыми лучами закатного солнца. Осенний дождь, казалось, оплакивает его мелкими, холодными слезами.

Взгляд Ивана Ильича был все еще устремлен в окно, на лес. Когда Ева поняла, что его больше нет, что она опять осталась одна, она закричала.

Доктор Шахов вбежал в палату. Ева рыдала на груди Ивана Ильича. Доктор застыл в дверях. Никак не может он привыкнуть к человеческому горю, к смерти. Сердце сжалось при виде

плачущей девушки. Он подошел, обнял ее за плечи, поднял с колен, прислонил к себе, начал утешать, поглаживая по спине, как маленького ребенка:

– Милая девушка, не надо так плакать. Вашему отцу сейчас уже хорошо. Отпустите его. Как вас зовут?

– Меня зовут Ева. Иван Ильич – мой муж, – ответила она и подняла на врача полные слез темно-зеленые глаза.

Продолжая обнимать девушку за плечи, доктор вывел ее из палаты, сделав знак медсестрам увести тело.

Анатолий Николаевич Шахов был строгим начальником. Но все подчиненные, а это, в основном, были молодые медсестры, его любили, хоть и побаивались. Частенько сестрички заходили в его кабинет и исчезали на некоторое время, а потом объявлялись в отделении в смятении чувств, с горящими щеками и в лирическом настроении. Но, ни одна не жаловалась. Наоборот, считалось честью побывать с ним тет-а-тет.

Доктор привел Еву в свой кабинет, усадил на диван. Взял за руку, пощупал пульс. Девушке явно было нехорошо. Слезы лились из глаз. Она будто не понимала, что происходит вокруг. Напряжение последних дней и шок от увиденного сказались на ее состоянии. Шахов сделал ей успокоительный укол. Ему очень хотелось позаботиться о ней.

Иван Ильич просил Шахова лично заняться его погребением:

– У жены нет никого в Москве. Как она одна справится с похоронами? – Говорил он доктору.

Шахов смотрел на Еву и думал:

– Куда она пойдет? В пустую квартиру? У нее нет здесь никого из близких. Сегодня ее нельзя оставлять одну.

– Ева, где вы живете? Я отвезу вас.

Девушка назвала свой адрес. Ехать к Ивану Ильичу она не могла.

Доктор помог ей встать. Девушку качало, она с трудом стояла на ногах. С каким удовольствием он взял бы ее на руки и унес далеко-далеко, чтобы, кроме их двоих, не было ни души.

Обняв за талию, медленно и осторожно повел ее к выходу, усадил в машину. Когда они подъехали к дому Евы, он помог ей выйти. Она уже не плакала, но была какой-то полусонной. Они поднялись на лифте, он сам открыл дверь. Ева молча, словно не замечая в своем доме чужого человека, зашла в ванную, постояла под душем, вышла в халате, с мокрыми волосами. Пошатаваясь, все так же молча, прошла мимо Шахова в спальню, легла на кровать и провалилась в тяжелое забытие.

Анатолий Николаевич огляделся. С первого взгляда было ясно, что в квартире долгое время никто не жил.

Укрыв Еву одеялом, он прошел на кухню. Когда Ева проснется, ее надо будет накормить, она очень ослабла. В холодильнике, как он и предполагал, было пусто. Взяв ключи от квартиры, он пошел в магазин, купил все необходимое и вернулся к Еве. Приготовил немудреный ужин, или завтрак? – еду, вскипятил чайник.

Ева все еще спала. Одеяло немного сбилось на бок, обнажив плечо, руку и часть бедра. Волосы разметались золотистым веером по подушке. Она была прекрасна. Он не мог оторвать взгляд от белевшего обнаженного тела в темноте. Шахов придвинул к кровати кресло, удобно расположился в нем. Он чувствовал себя уставшим, день выдался нелегким.

Думая о Еве, он задремал. Ему снился сон: он и Ева вдвоем стояли на берегу моря и целовались. Она обнимала его, а он прижимал ее к своему телу, ощущая сильнейшее возбуждение.

Шахов проснулся от огромного желания, страсть переполняла его. Ева спала очень спокойно. Она металась во сне, что-то вскрикивала, стонала, звала кого-то.

Вдруг Шахову послышалось:

– Иди ко мне, дорогой мой, иди скорее. Я так хочу тебя...

В этот миг невероятное желание заслонило доводы рассудка. Он не мог сопротивляться своей страсти. Скинув одежду, он кинулся к спящей девушке, отбросил одеяло, подмял ее под себя, обрушившись на нее всей тяжестью своего тела...

В своем тяжелом полусне Ева чувствовала, что ее насилует мужчина. Но вырваться из этого сна она не могла, не было сил. Не могла даже закричать. Мужчина не причинял ей боли, хотя его движения были сильными и резкими. Она вскоре сама стала испытывать удовольствие. Ее стоны становились все громче, пока оба не затихли.

Он лежал рядом, обнимая ее. К нему вернулась способность мыслить:

– Что я наделал? Как мне себя сейчас вести? Что скажет Ева?

Девушка пошевелилась. Низ живота отреагировал приятным томлением. Она открыла глаза и увидела рядом с собой мужчину. Это был врач Ивана Ильича. Она долго смотрела на него, ни говоря ни слова, будто вспоминая что-то, а, когда вспомнила, решала, как ей поступить.

– Анатолий Николаевич, что вы делаете в моей постели? Почему вы здесь? Что вы со мной сделали?

– Я боялся оставить вас одну, заснул в кресле. Во сне вы позвали меня, я не смог справиться со своим желанием. Ева, я очарован вами. Простите меня за мою несдержанность.

– Анатолий Николаевич, ваша несдержанность меня изнасиловала.

– Разрешите мне заглядить свою вину, прошу вас.

– Каким, интересно, образом?

– Первым делом, я вас накормлю!

– Не выйдет. У меня нет ничего съедобного.

– Дайте мне минуту, и приходите на кухню!

Когда Ева вышла из ванной, ее ждал чудесный завтрак: яичница с луком, сыром и помидорами. На плите доваривался кофе из молотых зерен. Его чудесный аромат лишил ее желания ругаться, выяснять отношения. Она чувствовала страшный голод. В мгновение яичница была уничтожена. Приятное чувство сытости разливалось по всему телу.

Ева разглядывала мужчину, с которым провела ночь. Можно сказать, она видела его впервые.

У доктора Шахова были карие, почти черные глаза, зрачков не видно! Взгляд строгий, даже колючий. Когда он смотрит, хочется поежиться. Но, когда Шахов улыбался, лицо его чудесным образом преображалось. У него была такая располагающая улыбка, что все сразу влюблялись в него. Когда он улыбался, его глаза начинали лучиться счастьем. Высокий, с широкими, тяжелыми плечами, мускулистый, подтянутый, Шахов был очень интересным мужчиной.

Ева была рада, что он рядом, что она не одна. Она даже была ему благодарна за эту ночь, но не знала, надо ли говорить ему об этом.

Мысли стали возвращаться к реальным делам. Похороны...

Заметив перемену настроения девушки из созерцательно – мечтательного в несчастно – будничное, Шахов спросил:

– Ева, ты простила меня?

– Будем считать, что ничего не произошло. Между нами ничего не было. А за все остальное я вам очень благодарна.

– Что ты считаешь «остальным»?

– Яичницу, например.

– Хочешь, я еще сделаю? Это, пожалуй, все, что я умею готовить.

– Спасибо, нет. Я хочу, чтобы ты помог мне с похоронами. Мне некого попросить, а сама я не знаю как.

– Ева, дорогая, похоронами я займусь сам. Иван Ильич дал мне на этот счет четкие указания, не волнуйся ни о чем. Я сейчас позвоню нужным людям.

Он ушел в комнату, чтобы Ева не слышала разговоров на эту печальную тему.

Девушка допивала кофе. Она очень горевала об утрате Ивана Ильича. Но этот малознакомый человек перевернул ее мир за одну ночь. В душе было смятение, растерянность.

– Как такое могло случиться со мной? – Недоумевала девушка.

Ее мысли все время возвращались к Анатолию. Он нравился ей.

– Интересно, что мне снилось, а что было на самом деле? – Думала она.

Ее молодое тело словно пробудилось после зимней спячки. Оно расцветало в своей женственности и хотело, требовало любви.

Ева старалась не думать о мужчинах после расставания с Сергеем. Она загнала свою чувственность в самый потаенный уголок своего прекрасного тела.

Анатолий разбудил ее. То, что произошло ночью, вернуло ее в мир любви и страсти. Она вспомнила свое знакомство с Сергеем, время, что они провели вместе и то, как они расстались. Сергей ни разу не позвонил. Да и как он позвонит, если она так его обидела? Они никогда больше не увидятся. Никогда он не обнимет ее, не поцелует, не дотронется до нее. От воспоминаний о нем все внутри замирает, сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Я сама во всем виновата, – подвела итог девушка, – надо его забыть.

Пока Анатолий разговаривал по телефону, Ева думала о нем. Вспоминались его страстные объятия, его сильное, мускулистое тело. Присутствие мужчины в доме возбуждало Еву.

Он вернулся на кухню.

– Ева, я обо всем договорился, необходимо кое-куда съездить, но твое присутствие не обязательно. Я сам все оформлю. А ты подумай, в чем ты будешь на похоронах? У тебя есть черное платье, пальто и все остальное?

Ева задумчиво смотрела на Шахова:

– Не знаю, все мои вещи в квартире Ивана Ильича. Надо туда ехать, но я одна не могу...

– Съездим вместе. – Предложил Анатолий.

Пустая квартира встретила их нереальной, гнетущей тишиной. На подоконниках завяли все цветы, их не поливали с того дня, как Иван Ильич слег в больницу. Она зашла в свою комнату. Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как она жила здесь. Анатолий стоял на пороге комнаты.

– Это моя комната, вернее, спальня. Комната Ивана Ильича – напротив.

– Ева, прости, пожалуйста, за нетактичный вопрос: а почему у вас были разные спальни, вы ведь так любили друг друга?

– Это долго объяснять. Все так не просто. Наш брак был фиктивным. Иван Ильич настоял на нем.

– И вы никогда не спали вместе?

– Нет.

– А другие мужчины? Должна же ты была встречаться с кем-нибудь?

– В прошлом году, еще до свадьбы, я встретила одного человека. Мы провели вместе всего одну ночь.

– И все?

– Все. Мы расстались. Я его очень обидела, он не смог меня простить...

И Ева стала рассказывать. Она не могла остановиться. Все ее переживания, вся боль, словно переполнив душу, стали выплескиваться наружу. Она вспомнила Олега, своего милого мальчика, давшего ей имя и так нелепо погибшего. Рассказала ему всю свою жизнь, про встречу с Сергеем, про Ивана Ильича. Слезы текли по щекам, но она не замечала этого. Она рассказала Анатолию то, что никогда никому не говорила, о своих чувствах, переживаниях, о любви, о горести утраты.

Он слушал ее, не перебивая, не спрашивая ни о чем, давая ей возможность выговориться. Слушал, замерев, словно боялся спугнуть ее откровенность.

Жизнь Евы раскрылась перед ним, как на ладони, он узнал все ее тайны, почувствовал боль, которую она носит в сердце, любовь, которую она встретила и сразу потеряла, понял тоску по единственному другу, которым стал для нее Иван Ильич. Он понял, что судьба не случайно свела их вместе. С этого дня он – опора и защита этой прелестной девушки.

– Ева, дорогая, я не понимаю одного, зачем ты вышла замуж за Ивана Ильича? Ты ведь и так жила в его доме. Из-за брака с профессором ты потеряла своего Сергея.

– Да, потеряла. Но я не могла отказать Ивану Ильичу. Он очень просил, я не могла его расстроить.

– А он знал о Сергее?

– Нет! Нет, что ты! Если бы он узнал, он никогда не принял от меня такой жертвы.

– Не понимаю, для чего ему нужен был ваш брак?

– Он меня очень любил. Как дочь. Больше у него никого не было, вероятно, он беспокоился о моем будущем, думал, что только так я смогу унаследовать все его имущество. Я не стала спорить, не хотела огорчать его.

– Но это имущество стоило тебе любимого человека!

– Да. Но я не могла огорчить Ивана Ильича.

В гардеробе Евы черное отсутствовало. Имелись только черные сапоги и черный свитерок. Необходимо было купить пальто, шляпку и юбку ниже колена.

Ева отправилась по магазинам, Анатолий поехал по делам. Они договорились созвониться вечером, попозже.

Анатолий Николаевич Шахов занимал должность заведующего отделением в частной онкологической клинике, расположенной в отдалении от городской суеты, в зеленой, лесопарковой зоне. Из окон палат, где лежали больные, открывался прекрасный вид. Он очень дорожил своим положением, которое достиг исключительно благодаря своему труду, своим способностям и преданности профессии. Все больные получали лечение по самому высокому уровню. Доктор Шахов внимательно следил за этим. От своих работников он требовал безукоризненного выполнения своих обязанностей. Старательных и способных отмечал, нерадивых увольнял. Строгий, но справедливый начальник пользовался уважением в коллективе. Но его и побаивались. Когда Шахов выходил из себя, правда, это случалось не часто, то в гневе он был страшен. Его черные глаза метали молнии, а смуглое, интеллигентное лицо искажала ярость. В такие минуты в нем просыпалась бешенная татарская кровь, доставшаяся ему от матери. Черты его далеких предков – бесстрашных татаро – монгол с бескрайних степей проступали в его, обычно спокойном, лице.

Смуглая кожа, черные, как ночь, чуть раскосые глаза, горячая кровь, высокий рост, мощные плечи и огромная физическая сила, объясняют имя, которое дали подчиненные своему грозному начальнику – Анатолий Шах, которое в дальнейшем трансформировалось в просто Шах.

– Ты Шаха не видела?

– Как настроение Шаха? – Слышалось в отделении тут и там.

Однажды, поздно вечером в свое ночное дежурство, Шах вышел на крыльцо клиники подышать свежим воздухом. Уже стемнело. Круглые фонари мягко освещали асфальтированную дорогу, ведущую к больнице. В халате, надетом на белую футболку, было прохладно стоять на ветру. Шахов уже собирался войти в здание, но его внимание привлекла черная машина, показавшаяся вдалеке. Автомобиль ехал зигзагами, мотаясь от одной стороны дороги к другой. Шахов задержался на пороге, ожидая, когда иномарка припаркуется. Машина остановилась у самых ступенек, где стоял доктор. Стекла начерно затонированы. Из машины никто не вышел.

– Пьяный, что ли? – Подумал Шахов.

Он открыл переднюю дверь и ахнул: за рулем сидел, вернее, лежал на руле, мужчина. Кровь была везде – на одежде, в салоне автомобиля, на руках, на лице. Водитель был без сознания. Раненый обладал богатырским телосложением. Бритая голова переходила в могучую шею, плавно растекающуюся в широченные плечи. На шее, вернее, на том, что находилось между плечами и головой, блестела золотая цепь, толщиной в палец – неперенный атрибут «братков». Раненый истекал кровью и нуждался в срочной медицинской помощи.

– Мне его не поднять, – подумал Шахов и сбегал за инвалидным креслом.

С трудом вытащил пострадавшего из машины, усадил его в кресло и повез в операционную.

Времени на определение личности не было. Быстро осмотрев пациента, доктор увидел три пулевых ранения.

– Повезло, что пули не заделали жизненно важных органов, – подумал Шахов.

Он вынул пули, обработал раны, отвез больного в пустую палату, поставил капельницу.

В это позднее время в клинике в коридорах редко кого можно встретить. Доктора с его пациентом никто не увидел.

Под утро раненый пришел в себя. Он был очень слаб, но и в таком состоянии производил грозное впечатление. Когда Шахов вошел в палату, проведать больного, он наткнулся на мрачный, убийственный взгляд.

Пациент встретил его словами:

– Ментам сообщишь – сдохнешь!

Этого Шаху хватило, чтобы выйти из себя. Его глаза загорелись нехорошим огнем:

– Еще одно слово – и сдохнешь ты! – Ответил доктор.

Пациент молча разглядывал своего спасителя, оказавшегося достойным противником.

– Ладно, ладно. Прости. Я – твой должник. Ты мне жизнь дважды спас.

– Почему дважды?

– Первый раз – заштопал, вылечил. Второй раз – ментам не сдал. Я скоро уеду. Запиши номер мобилы, позовешь «Быка». Помогу, если понадобится. Я добро не забываю.

– Как ты уедешь? Тебе еще лечиться и лечиться!

– Давай свое лечение, с собой заберу. Пиши, что и сколько. Дома долечусь.

Он позвонил, через несколько минут к клинике подлетел черный «Лексус», и загадочного пациента, буквально на руках, вынесли из палаты и увезли.

Шахов часто думал, почему он не сообщил о раненом в полицию? Но, в первые минуты ему было не до того – он спасал человека. А потом? Он не понимал, но какая-то сила не позволила ему поднять трубку телефона. С этого происшествия прошло два года. Постепенно все стало забываться, Бык больше не объявлялся в жизни доктора Шаха.

Первый день после кончины Ивана Ильича прошел в какой-то суете. Все было сделано, оформлено, со всеми переговорено.

Вечером Шахов позвонил Еве, он хотел увидеть ее:

– Ева, я свободен всю ночь. А в семь утра на работу. Я могу приехать к тебе?

– Анатолий, спасибо за помощь, но сегодня мне хочется побыть одной.

– Понимаю, я позвоню завтра. – И Шахов поехал домой.

Дождь, наконец, прекратился, но порывы ветра с силой били в лобовое стекло, выгоняя последние капли длинными подтеками по стеклу.

Настроение было ужасным. Он, конечно, понимал, что Ева права, надо подождать, что ее муж, пусть даже фиктивный, был ей очень дорог.

Дома его ждала мама.

Ранним утром, направляясь в клинику, Шахов был в самом скверном расположении духа. Его неумолимо влекло к Еве, он хотел видеть ее, обнять, заглянуть в ее зеленые глаза, любоваться прелестным лицом.

Но... Сегодня он на работе, завтра похороны. Значит, свидание пока отменяется. То, что оно будет, он не сомневался.

Время летело быстро. Пребывая в плохом настроении, Шах гонял своих работников, придираясь по мелочам, доводил до слез молоденьких медсестричек. Наконец, он позвонил Еве. Они обсудили дела на завтра – день похорон. Во встрече она ему отказала:

– Сегодня вечером прилетает мой отец. Они были друзьями с Иваном Ильичом.

Ева боялась разговора с отцом, ведь он ничего не знал об их отношениях с профессором. Что он скажет, когда узнает, что Ева и Иван Ильич поженились?

Встретившись с отцом, Ева не могла сдержать слез. Плача, она рассказала ему о том, как жила последний год, о фиктивном браке с Иваном Ильичом, о его тяжелой болезни, о смерти, о докторе Шахове, который очень помогает ей и поддерживает.

Отец был в шоке. Почему его любимая дочка скрыла от своих родителей такие события? Но он решил пока не расспрашивать ее ни о чем.

Утром за ними заехал Анатолий.

– Проходи, – сказала Ева, – знакомьтесь. Это мой папа, Виктор Александрович. А это – Анатолий Николаевич, доктор из клиники, где наблюдался Иван Ильич.

Мужчины обменялись крепким, дружеским рукопожатием. Глядя на Анатолия, отец Евы думал, что именно такого мужа он хотел бы для дочери. Красивый, сильный, надежный, он сразу располагал к себе. Но удивляло отношение дочери к Анатолию – в нем не было и намека на нежное чувство.

На кладбище было много народа. Родственников у Ивана Ильича не было, зато было много учеников, которые хотели попрощаться со своим наставником.

Поминки организовали в университетской столовой, все закончилось быстро.

Анатолий отвез Еву и Виктора Александровича домой. На следующий день Ева проводила отца в аэропорт. Перед объявлением посадки, выдалось несколько свободных минут для разговора.

– Ева, у вас с Анатолием что-то есть?

– Прости, папа, я не готова ответить тебе на твой вопрос. Мы с ним мало знакомы. Но я думаю, он хороший человек. Правда, иногда, он мне кажется каким-то необузданным, диким.

– Скажи, дочка, что ты собираешься делать с наследством профессора?

– Ничего не собираюсь делать. Оно мне не нужно. Потом видно будет.– Равнодушно добавила она.

Прошло пять дней с той ночи. Анатолия съедала страсть. Ева все еще не хотела видеться с ним. Он был в бешенстве. Впервые ему отказывают в свидании!

Последние ночные дежурства он выгонял всех девчонок, которые строили ему глазки, принося то чай, то кофе в кабинет, как обычно. Ни одну он не оставил у себя, был раздражительным, злым. Девочки решили его не трогать, оставить в покое.

– У Шаха, видать, дома что-то случилось, – решили они.

В последнюю ночь на посту дежурила бойкая рыжеволосая девушка с миловидным личиком и пышными формами.

– Не выйду из кабинета, пока своего не добьюсь.– Решила она.

Под белоснежный халатик она надела красивое бежевое белье, рыжие волосы распустила по плечам. Она робко постучала в дверь.

– Заходи! – Прорычал Шах.

Она осторожно прикрыла дверь. Разыгрывая из себя неуверенную, смущенную девочку, она, не поднимая глаз на Шаха, спросила тихим голосом:

– Анатолий Николаевич, вы чаю, нет, кофе не хотите? Я могла бы принести...

Шахов был заинтригован. Он с интересом разглядывал медсестру.

– У тебя, что, других дел нет, как только мне чай, нет, кофе носить?

Она сразу почувствовала смену его настроения. Не подавая виду, она как бы смутилась еще больше.

– Нет. Я сейчас ничем не занята. Все спят, все спокойно.

– Ну, если все спят, неси. Черный, два сахара.

Обошительница выскочила за дверь, празднуя свою победу. Сердце радостно билось в груди в предвкушении приятных минут.

– Симпатичная птичка, – думал Шахов, – я с ней еще не был, новенькая. А какие формы...

Образ пышногрудой красотки затмил недоступную Еву, пять дней отказывающую ему во встрече. Его темперамент рвался наружу. Девушка вернулась с чашкой кофе.

– А себе? – Спросил Шах.

– Я не люблю кофе. Он горький.

Он улыбнулся такому простодушью.

– А что любишь?

– Конфеты люблю, мороженное, – смутившись, ответила рыженькая.

Она видела, что мужчина у нее на крючке.

Он встал, закрыл на замок дверь, подошел к ней, взял за руку. Она разыгрывала неопытность и смущение. Это еще больше завело его. Он обнял ее и мягко увлек на диван. Мимолетно промелькнула неприятная мысль, что скромница практически раздета, но остановиться он уже не мог. Девушка оказалась страстной и весьма опытной в амурных делах. Когда все закончилось, и они полулежали на выдавшем виды кожаном диване, она заявила:

– Ты потрясающий мужик! Я кончила три раза!

Ее слова неприятно удивили его. Он понял, что она не такая нежная и свежая, какой прикидывалась.

Ее продуманный сексапильный наряд, откровенная опытность в сексе, говорили о богатом опыте общения с мужчинами. Ему стало противно. Не вовремя перед ним всплыло ангельское лицо Евы, он вспомнил ее культурную речь, ее неприступность.

– Уходи! Немедленно убирайся! – рявкнул начальник. Его глаза метали молнии.

От удивления и страха рыжая онемела.

– Я сказал, убирайся!

Девушка со слезами и с затаенной обидой выбежала из кабинета.

На душе у него было тяжело. Он мечтал о Еве, а поддался, как юнец, на кокетство хитрой девчонки.

Днем он позвонил Еве. Он решил сменить тактику и не напрашиваться к ней в гости.

– Давай сегодня сходим куда-нибудь. Я так скучаю по тебе!

– Хорошо. – Согласилась Ева, – в семь заезжай за мной.

Они поехали в ресторан. Ужин прошел в приятной дружеской атмосфере. Ева успокоилась после своих трагических событий, даже смеялась шуткам Анатолия. Про Ивана Ильича они не вспоминали. Подъехав к дому, он попросил разрешения подняться к Еве.

– Прости, не сегодня. В другой раз.

Она вышла из машины и пошла к своему подъезду.

В Шахе кипела кровь, он был возбужден и раздосадован. Яростная сила пульсировала во всем теле, требуя применения. И это применение нашлось очень быстро.

Глядя в след удаляющейся легкой фигуре девушки, он заметил тени, прячущиеся за деревьями. Он, как зверь, выскочил из машины и добежал до Евы, когда трое в черных одеждах

уже окружили ее. Ярости его не было предела. Он кинулся на нападавших, повалил одного, другого. Третий попытался бежать, но он схватил и его.

– Стой здесь! – Крикнул он окаменевшей от страха Еве, – одна ни шагу!

Придавив третьего бандита к земле, прошипел ему в лицо:

– Кто такие? Кто послал?!! Что надо?!! – его голос напоминал рык дикого зверя, – Убью, сволочь!

Шах был ужасен в это мгновение. Бандит поверил, что убьет.

– Сначала буду ломать руки, начну с пальцев. Но ломать буду так, чтобы не срослось. Я врач, я умею.

И он завернул его правую руку до хруста в суставах. Бандит заорал от боли.

– Я скажу, скажу, не надо! Эта телка отхватила нехилое наследство. Нужно бы поделиться.

– С кем? Кто главный?!!

– Бык, но ты его не достанешь.

Шах ударил кулаком своего собеседника, тот отключился, составив компанию первым двум. Пощупал у бандитов пульс – живы. Взял Еву под руку и повел в дом. Она шла, как загипнотизированная, ноги заплетались, она не проронила ни слова. Но дома у нее началась истерика. Уложив ее в кровать, он позвонил одной медсестре, которой он доверял больше всех, и попросил приехать. Через полчаса в дверь позвонили. Проинструктировав сиделку, Шах ушел.

Сел в машину, просмотрел контакты в сотовом.

– Слава богу!

Номер телефона Быка сохранился. Того самого Быка, которого он спас несколько лет назад.

Он набрал нужные цифры:

– Мне нужен Бык! Срочно! – Сказал он, – передай, что звонит Шахов.

Его интонация не оставила сомнений даже у бандита, что звонит серьезный человек.

– Подождите.

Через минуту в трубке раздался грозный рык:

– Да!

– Здравствуй, Бык! Это Шахов. Ты мне обещал помощь за спасение твоей жизни. Не забыл?

– Я ничего не забываю! Приезжай в «Желтое солнце», перетрем.

«Желтое солнце» – это казино, расположенное на окраине города, в бывшем здании прачечной. Ужасная с виду трехэтажная постройка была переоборудована в сказочный дворец Шехеризады. Засилие позолоты, хрусталя и ковров, видимо, отражало вкусы криминальных элементов всех мастей и величин. Это была их, если можно так сказать, штаб-квартира.

Подъехав к «Желтому солнцу», Шах подумал, что ни разу не был в казино: его жизнь шла параллельно, не пересекаясь и не встречаясь с этой. Работа и женщины – это все, что имело значение для него.

У дверей казино стояли двое охранников. Шах и сам был высокого роста, но эти двое – настоящие великаны. Непривыкший смотреть на людей снизу, Шах приосанился, подтянулся вверх.

– К Быку! – Гаркнул он.

– Сеня, проводи. – Пробасил один охранник другому, более молодому.

Сеня повел Анатолия вглубь здания. Обходя людные места, петляющими коридорами, они подошли к массивной двери. Сеня постучал, заглянул.

– Проходи! – Распорядился он.

Сеня пропустил Анатолия. Дверь тихо закрылась. Комната, в которую вошел Шахов, была чем-то средним между деловым кабинетом и гостиной короля. Роскошь обстановки поражала воображение. За массивным столом, на стуле, больше похожим на трон, сидел человек. На зеленом сукне письменного стола не было ни единой бумажки. Только слева от хозяина в красивой вазе из прозрачного стекла стояла удивительной красоты голубая роза. Шах узнал его сразу – Бык изменился мало, разве стал еще шире.

– Рад видеть тебя, дорогой Анатолий Николаевич Шахов. – Пытаясь выглядеть радушным хозяином, приветствовал он гостя.

– Ты даже имя мое знаешь? – Удивился Шах.

– Я про тебя знаю все. Навел справки. Я должен быть уверен в твоём молчании. Не скрою, мои пацаны хотели тебя пришить. Я не дал. Решил, что ты не выдашь. Зачем пришел?

– За то, что твои отморозки меня не убили, благодарить не собираюсь, – сказал Шах, – хочу, чтобы ты мне свой долг отдал. Или забыл про свое обещание?

– Я ничего не забываю! – Прохрипел Бык, – что тебе надо?

– У меня есть женщина. Моя женщина. Ее прессуют твои люди.

– Кто такая?

– Елена Викторовна Арбенина, вдова профессора Нестерова.

Бык молча уставился на Шаха. Тот не отвел взгляд. В нём горел огонь решимости:

– Что тебе от нее надо?

– Наследство, деньги, золото, сам понимаешь. – Медленно прохрипел бандит.

– Это моя женщина!

– Я слышал, она хороша собой.

– Оставь ее в покое!

– А деньги?

– Еще раз говорю – оставь ее. Забудь и про нее и про наследство! Денег я тебе не дам. Если ты навел справки про меня, то должен знать, я собираюсь открывать свою клинику, а это очень дорого, так что считай, что денег у нас нет.

Повисло тяжелое молчание.

– Где мои ребята? – Спросил Бык.

– Не знаю. Валялись во дворе у Евы.

– Живы?

– Да. Были живы, по крайней мере.

– Кто их так? Ты?

– Я, кто еще?

Бык снова замолчал. Было заметно, что в его голове происходит «битва мозгов».

Наконец, он произнес:

– Ева, значит? Мою маму тоже Евой звали. Так ты ее любишь? Ладно, ладно, не мое дело. Только вот что странно, не успела мужа похоронить, а уже с тобой крутит.

Шах сжал кулаки, еще минута, и он бросится на наглеца.

– Остынь, я думаю.

Наконец, Бык встал из-за стола.

– Ну, что ж, я рад, что знаком с тобой. Считай, мы в расчете. Пусть твоя Ева живет спокойно. Ты за нее не бойся. Про меня – молчи. Проговоришься кому, сам знаешь...

– Ну, что ж, я не в восторге от того, что знаю тебя. Но почему-то я тебе верю. Если обманешь, или с Евой что-то случится, я тебя из-под земли достану, сам знаешь.

Из горла Быка послышались какие-то хрюкающие звуки. Шах удивился, это смеялся Бык.

Действительно, бандит улыбался. Шахов был ему глубоко симпатичен. Он протянул куру. Мужчины с чувством обменялись рукопожатием.

Когда Шахов вернулся к Еве, уже рассветало. Он заглянул в спальню, Ева спокойно спала. Он отпустил сиделку. Прошел на кухню, открыл холодильник:

– Не густо, но жить можно. Приготовил свою фирменную яичницу, сварил кофе.

И вдруг почувствовал чей-то взгляд. Резко обернувшись, он увидел в дверном проеме в полупрозрачной ночной рубашке стоит Ева и внимательно наблюдает за ним. Она не сводила глаз от его лица, шеи, груди. В горле пересохло. Он подошел к девушке, обнял ее, притянул к себе. Запах ее волос, ее нежная кожа, ее мягкая грудь сводили его с ума. Он гладил ее тело ладонями, целовал губы, все крепче прижимая к себе. Она отвечала ему на поцелуи. Он взял ее на руки и понес в спальню. Разделся и лег рядом. Его грудь была покрыта черными волосами. Они по форме напоминали два крыла, расходящиеся от центра грудной клетки над грудью к плечам. Сходились волосы тонким ручейком, протекая вниз по животу и ниже.

Ева целовала его, возбуждая еще больше. Они забыли обо всем на свете. Не существовало ничего, кроме их горячих тел, страстных объятий.

Весь день они провели дома. Это был прекрасный день, полный любви, секса, разговоров по душам.

– Не волнуйся, больше тебя никто не тронет, – обещал Анатолий Еве.

– Ты что, всех их убил? – Теперь, когда он рядом, все казалось не таким уж страшным.

Они были счастливы.

Утром Шахов ушел на работу, а Ева осталась дома. Она решила поваляться с книгой на диване. Такой день, без проблем, без огорчений, выдался за последнее время впервые.

Зазвонил телефон. Звонила незнакомая женщина. Она разговаривала очень нагло, сказала, чтобы Ева не обольщалась на свой счет, что Шах любит всех медицинских работников в юбках, трахает их всех по очереди в свое ночное дежурство. Но на него никто не в обиде, так как любовник он потрясающий. И еще только вчера он развлекался с ней в своем кабинете на кожаном диване. Она осталась очень им довольна, потому что кончила три раза.

У Евы потемнело в глазах. Она не понимала, как это может быть? Сегодня он клялся ей в любви, а вчера спал с другой? Значит, он имеет своих медсестер в своем кабинете кого захочет и когда захочет?

Такие отношения ее не устраивают. Она не может любить мужчину, зная, что у него есть целый гарем. Она понимала, что Анатолию трудно сдерживать свой темперамент, свою горячую кровь. Значит, так будет всегда? Всю жизнь? Нет, она не может такого допустить. Значит, они должны расстаться.

Ева позвонила Анатолию, рассказала о звонке его любовницы.

– Скажи, это правда?

Он молчал.

– Значит, правда. Анатолий, нам надо расстаться, пока между нами не возникло серьезных отношений. Мы еще не привыкли друг к другу. Я никогда не буду равнодушной к твоим изменам. Никогда. Давай расстанемся друзьями.

Шах потрясенно молчал.

– Ева, дорогая, подожди. Все не так, как ты думаешь. – Наконец произнес он. – Пойми, ты – единственная женщина, которую я полюбил. Я не хочу расставаться с тобой. Ты нужна мне, я не могу без тебя. Я думаю о тебе каждую минуту, что бы ни делал, только о тебе и думаю.

– Поэтому ты переспал с этой девочкой? От великой любви ко мне?

– Ева, дорогая моя. Но пойми, в жизни бывают разные ситуации. Я пять дней не был с тобой, я с ума сходил. А она просто подобрала момент. Поверь, не я ее соблазнил, а она меня! Я потом жутко раскаивался, что не сдержался, но в тот момент обуздать себя не смог.

– Видишь, пять дней воздержания для тебя катастрофа. Ты готов кинуться на любую женщину. Мы с тобой не подходим друг другу. Пока все зашло не слишком далеко, давай

расстанемся. Мы не сможем жить вместе. Быть одной из твоих многочисленных любовниц я не хочу.

– Ева, подожди. Не принимай поспешных решений, прошу тебя.

– Я не знаю, что еще сказать.

– Ничего не говори. Дай мне время. Я приду, и мы поговорим, ладно?

– Позвони. Там видно будет.

Оставшись одна, Ева испытала облегчение. Связь с Шахом непонятным образом угнетала ее. Он был шикарным мужчиной, искусным любовником, возбуждал в ней желание, но для Евы не секс был главным в жизни. Она не любила Анатолия. Она не ощущала потребности держать его за руку, смотреть в глаза, гладить непослушные волосы...

Сердце ни разу не защемило сладкой болью, как при воспоминании о Сергее. Она просто уступала его страсти и позволяла любить себя. После их близости, ей хотелось, чтобы Анатолий быстрее ушел, оставил ее одну. Сейчас, когда они откровенно поговорили, и она сказала ему, что им следует расстаться, как будто камень с души свалился.

Вернулись мысли о Сергее. Где он? Может, он женился? Как она тосковала по нему, по нежному взгляду его серых глаз, по их прогулкам вечерами.

Анатолий позвонил на следующий день. По его голосу невозможно было понять, что он сильно переживает. Он волновался, как поведет себя Ева после всего, что наговорила ей его последняя любовница. Ева сказала, что им следует расстаться. Но он надеялся, что все забудется и все будет, как прежде. Его никогда не бросали женщины. Да и он никого не бросал. С первого дня знакомства, он давал понять, что на серьезные отношения он не настроен. Поэтому, женщины прекрасно понимали, что иметь такого мужчину в роли мужа – боже упаси! Для любовных приключений – это одно, но для тихой семейной жизни – не приведи господь!

А так как Шах всегда продумывал вопрос безопасного секса, то никаких претензий к нему его любовницы не предъявляли.

Ева была первой женщиной, которая хотела прекратить с ним отношения. А ведь он влюбился в нее! Он даже готов жениться на ней!

В клинике, на любимой работе, он немного забывался, погружаясь в беспокойный, а подчас трагический мир человеческих проблем. К подчиненным стал еще строже, срываясь на беззащитных сестричках.

Однажды, вернувшись с дежурства, он задумчиво ел ужин, глядя в экран телевизора. Но не видел и не слышал того, что ему показывали. Мысли его были далеко – далеко. Вернее, совсем близко, за несколько кварталов от дома – у Евы. Он так тосковал по ней!

Сзади неслышно подошла мама. Невысокая, худенькая татарочка, она одна растила сына, много работала, чтобы он ни в чем не нуждался, чтобы получил образование. Трудолюбивая и кроткая женщина всю жизнь посвятила обожаемому сыну. Она обняла его и спросила:

– Сынок, ты влюбился?

Анатолий не приветствовал разговоров о своей личной жизни, но тут он, как незаслуженно обиженный мальчик, уткнувшись в мамину грудь, чуть не заплакал.

– Да, мама, влюбился.

– А она не любит тебя?

– Нет.

– Сына, как можно тебя не полюбить? Ты же у меня такой красивый!

– Значит, можно. Мама, я не знаю, что мне делать. Я только о ней и думаю.

Женщина молчала, тихо покачивая сына, прижав к себе.

– Отпусти ее. – Наконец сказала мать. – Отпусти. Видимо, сердце ее занято.

В этом году зима никак не могла прогнать с Московских улиц осень. Шел то снег, то дождь. Было холодно и сыро. Порывы ветра бросали колючий снег в лица прохожих. Из дома

не хотелось выходить. Анатолий не звонил Еве целую вечность – неделю! Не в силах больше терпеть, он набрал номер ее телефона.

– Здравствуй, любовь моя! Какие у тебя планы на вечер? Давай, сходим куда-нибудь.

Еве одной тоже было тоскливо, одиноко, но она не хотела оставаться с ним наедине. Она боялась поддаться его обаянию, красоте, силе, боялась не устоять перед его натиском и страстью.

– Хорошо, поужинаем где-нибудь в тихом, уютном месте. – Согласилась она.

– Ты имеешь в виду ресторан, или свою тихую, уютную кухню? – Уточнил с надеждой Анатолий.

– Ресторан, конечно.

– Ты думаешь, в ресторане я не представляю для тебя опасности?

– Если честно, да.

– Я на все согласен. Ресторан, так ресторан.

Ева была рада выбраться из дома, несмотря на промозглую погоду. С неба то ли лилось, то ли сыпалось. На земле – вездесущая русская грязюка, не обойти, не перешагнуть. Стараясь сохранить чистой обувь, они нелепыми прыжками доскакали до дверей маленького рестораника. Большинство таких заведений раньше были подвалами жилых домов. А сейчас – рестораны!

Ева с Анатолием выбрали столик в глубине зала, подальше от источника музыки и заказали, что душе угодно.

Ева смотрела на своего спутника. Ей нравилось, что рядом такой мужчина. Он был настолько хорош своей мужской красотой, его сексуальность и сила очаровывали Еву.

Страхнув с себя наваждение, она спросила:

– Как дела у тебя в отделении?

Ему нравилось, что Ева интересуется его работой, что ей не безразлично его любимое дело.

– Все отлично. Если, конечно, так можно сказать об онкологическом центре. Людские страдания, безнадежные больные, смерти ежедневно. К этому нельзя привыкнуть. Нас, врачей, многие считают очерстневшими. Наверное, это действительно так. Но иначе не вынести всего, с чем нам приходится сталкиваться каждый день. Знаешь, я хочу открыть свою клинику. Если все пойдет по плану, года через два.

– Какой ты молодец! Я так рада за тебя! Ты – прекрасный врач, у тебя все получится!

Они проговорили весь вечер. Наступал опасный момент проводов. Ева не разрешила Анатолию проводить ее до дверей квартиры. Они простились у входа в подъезд. Как он не упрекивал, она осталась непреклонна.

– Отпусти ее, – слышал он тихий голос своей матери.

В тишине своей квартиры, Ева пыталась разобраться в своих чувствах.

Олежку, милого мальчика, она вспоминала все реже. А, когда думала о нем, сердце уже не сжимала чья-то ледяная рука. Она пыталась представить себе, каким бы он стал, если бы повзрослел, возмужал, чем бы занялся, где работал? Она была уверена, что он стал бы неординарной личностью и многого бы достиг в жизни. Как Анатолий. Вот если бы Олег был жив и Иван Ильич был бы с ней, а Анатолий был бы их общим другом – размышлялась девушка.

Так захотелось, чтобы рядом был любящий, добрый, понимающий человек! Но рядом мог быть только Анатолий. Ева с трудом пересилила желание позвонить ему.

В ежедневных делах и заботах пролетали недели, месяцы. Он звонил ей часто, приглашал куда-нибудь. Она, бывало, соглашалась, но чаще отказывалась, ссылаясь на загруженность в работе. Наконец, пришла долгожданная весна. В воздухе пахло любовным томлением и ароматом весенних цветов. Люди сменили зимний серо-черный гардероб на светлое и белое.

Девушки резко похорошели, оголив ножки с помощью очень-мини-юбок. Земля подсохла, горожане рванули на природу.

Анатолий оказался в их числе. Он предложил Еве поехать с ним на встречу с его одноклассниками на дачу.

– Дорогая, моя, пожалуйста, поедem! Я так хочу повидать своих друзей! Клянусь, не буду приставать к тебе. Представь: солнце, свежий воздух, шашлыки и все такое!

– Толя, почему бы тебе не поехать без меня? Я там никого не знаю.

– Я должен приехать с девушкой. Это условие.

– Почему?

– Понимаешь, друг женится. Хочет познакомить с невестой. Все будут парами. И я тоже должен. Одного меня не пустят. Он боится.

– Чего?!?

– Если откровенно, он боится, что я отобью его невесту. Вернее, она сама отобьется.

– Откровенней некуда. Ты считаешь себя таким неотразимым?

– Да нет, таким меня считали все Серегины подружки, начиная с шестого класса.

– Твой Серега такой страшный?

– Ну, что ты. Очень даже симпатичный. Мне он всегда нравился. Ева, солнце мое, поедem! Я отвезу тебя домой, как только захочешь!

Ева согласилась поехать.

В субботу их ждали на подмосковной даче Серегиных родителей. Компания была небольшая, проверенная временем. Анатолий оставил машину рядом с небольшим деревянным домом.

– Пойдем, скорее, они, наверное, в поле.– Он взял Еву под руку.

По другую сторону дома, действительно, было целое поле, засаженное травой и полевыми цветами.

– Мавританский газон. – Пояснил со знанием дела Анатолий.

По левую сторону участка, посажены деревья: яблони, груши и какие-то кусты. По правую – площадка для отдыха: беседка со столом и лавками. Вдалеке, под яблоней – качель.

У мангала толпились мужчины. Каждый хотел продемонстрировать свое умение готовить мясо. Женщины разомлели на скамейке.

Анатолий познакомил Еву со своими друзьями и с их женами.

– А где жених с невестой? – Спросил он.

– В дом пошли, сейчас придут.

Настроение было прекрасное, шашлыки готовы, все от души радовались встрече.

– А вот и они! Наконец! – Послышалось за столом. К компании подошел хозяин дачи со своей спутницей.

– Знакомьтесь, ребята. Это Света, моя невеста.

Ева, сидящая спиной к говорившему, повернулась. Улыбка исчезла с лица Сергея, он с изумлением смотрел на Еву. У нее все поплыло перед глазами.

Шахов произнес:

– Знакомьтесь, Ева, а это мой друг, Сергей.

Ева машинально протянула Сергею руку:

– Ева.

– Сергей, – ответил он изменившимся голосом.

– А это твоя очаровательная невеста? – Продолжал балагурить Анатолий.

– Да, это моя невеста, Света.

Сергей и Ева смотрели друг на друга, не отрывая глаз. Пауза затягивалась, ощущалась напряженность. Невеста была в растерянности, не понимая, что происходит?

Наконец, все сели за стол. Анатолий внимательно наблюдал за Евой и Сергеем. Он все понял.

Мужчины накинулись на мясо. Шашлыки удались.

– Ева, звезда моя, ты почему не ешь мясо? – Спросил Анатолий.

– Потому, что она любит рыбу. – Ответил за нее Сергей.

Ева смутилась еще больше.

– Нет, нет! Мясо я тоже ем. Но сейчас не хочется. Я лучше пойду, покачаюсь на качели.

Она рада была уединиться. В голове происходила сумашедшая работа:

– Господи, какое счастье – это он! Какой ужас – он женится! Зачем я согласилась сюда приехать? Хоть разочек его еще увидела!

Такие противоречия раздирали бедную девушку. Она сидела в тени старой яблони, уютно устроившись на качели. Вот они и встретились. Ее любимый Сережа! Она – с Анатолием, он – со Светой, со своей невестой. Тогда она выходила замуж, теперь женится он.

Ева не заметила, как к ней подошел Анатолий. Присел рядом, на мерно поскрипывающую качель, наклонился к ней всем телом. Печально глядя ей в глаза, спросил:

– Это он?

Ева кивнула. Он молча сидел, думая о чем-то своем.

– Хочешь, через 15 минут его невеста уедет со мной?

– Как это? – Встрепенулась Ева.

– Очень просто. Уедет. И не будет у него невесты, не будет свадьбы. А ты останешься. Кстати, это впервые, когда девушка от меня уйдет к нему. Но такая девушка, как ты, стоит их всех, вместе взятых. Так что мы с Сергеем в расчете, передашь ему.

Ева ничего не ответила. Прошло немного времени, и к ней подошел Сергей. Он сел на то же место, где недавно сидел Анатолий.

– Ева, я дурак. Я такой дурак! Прости меня. Я был злой, как черт и уничтожил твой номер телефона. Потом несколько раз хотел тебя разыскать, но не решился. Недавно увидел в газете некролог на твоего профессора и вашу с ним фотографию. Подумал, что ты уже забыла обо мне. Но сегодня все изменилось. Ева, я люблю тебя и любил все это время.

– А как же твоя невеста?

– У меня уже нет невесты. Толян увез ее. Знаешь, я, словно воздуха глотнул, когда она уехала. Она хорошая, но я не люблю ее.

– Зачем же ты хотел жениться?

– Родители задолбали: внуков хотят. Вот и решил жениться, чтобы отстали. Да и пора, вроде, семьей обзаводиться. Толян мне крикнул, уезжая, что мы в расчете. О чем это он?

– О том, что оставил тебе меня. И я очень этому рада. У нас с Анатолием ничего не получилось.

– Как так? Все женщины от него без ума, я точно знаю. Все мои подружки поочередно сбегали к нему, стоило только ему улыбнуться.

– Потому, что сердце у меня занято другим, тем, кого я люблю. Кого не могла забыть, как ни старалась. Но я не знаю, сможет ли он простить меня?

По ее потекли слезы. Сергей рванулся к ней, встал на колени, и, целуя ей руки, сказал:

– Я тебя никому не отдам!

Притихшая компания сидела за столом. Мужчины, зная бешеный темперамент Шахова, гадали, что будет, если его девушка уйдет к Сергею? Этот чертов татарин его прибьет или просто разнесет здесь все в щепки?

Да еще Света! С ней-то что будет?

Шахов вернулся от Евы какой-то задумчивый, хмуро-решительный. Сел рядом с несостоявшейся невестой.

Света, надо отдать ей должное, поняв пикантность ситуации, держалась, не плакала, не скандалила.

Анатолий что-то начал нашептывать ей в ушко, склонившись ближе, чем позволял этикет. Выражение лица невесты стало меняться удивительным образом: от слез не осталось и следа, щечки порозовели, тронутые румянцем смущения, глазки заблестели. Анатолий взял ее за руку, быстро попрощавшись с друзьями, повел ее к своей машине.

Все вздохнули с облегчением.

– Вы это видели?

– Что это было? – Спрашивали друзья друг у друга.

Наконец, вернулись Сергей и Ева. По их виду было все понятно: влюбленная парочка была счастлива.

– Знакомьтесь, Ева – моя невеста. – Произнес Сергей.

Тишина за столом сменилась удивленно – радостными криками:

– Поздравляем! Когда свадьба?

Ева, улыбаясь, ответила:

– Думаю, мы не будем торопиться. Мы еще мало знакомы с Сережей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.